

Политический курьер партии 0151
№3-1995 19.01.95

Удастся ли вывести Россию из экономического кризиса?

Выступление Е.Т.Гайдара на встрече с активом в Курске

В свое время Наполеон сказал, что штыками можно делать очень многое, нельзя делать одного — нельзя на них сидеть. И вот, по моему глубокому убеждению, судьба нашей страны, судьба России во многом зависит от того, в какой степени это будет страна, в которой людям будет хотеться жить. Соответственно в какой степени это будет страна с растущей, процветающей рыночной экономикой.

Никакой силой, разумеется, навязать единство страны невозможно. Для этого не хватит никаких солдат, и никакой армии, и никакой крови наших детей.

В свое время, когда инструменты экономического регулирования, характерные для авторитарного режима, развалились (а это было в 1989—1991 годах), именно это — нарастающий экономический развал — без сомнения стало базой развала Союза, частью которой была и Чечня, обретшая фактическую независимость, когда Союз еще существовал, осенью 1991 года.

И как только, в начале 1994 года, появились маленькие, первые, еще очень не уверенные признаки экономической стабилизации, сразу стало видно, как те же независимые государства, которые с таким энтузиазмом этой независимости добивались, начали выстраиваться в очередь к нам, чтобы договориться о более тесных формах экономической и политической интеграции. Это было видно и по Белоруссии в начале 1994 года. Это было видно и по Казахстану и даже по Украине.

Все-таки в чем же дело, отчего в первую очередь зависит: будет ли наша экономика и дальше быстро разваливаться, как она разваливается сегодня, или все-таки нам удастся преодолеть эти негативные тенденции и вывести Россию на путь устойчивого экономического роста?

Я вчера вернулся из Праги. Был там один день. Выступал, встречался со своими друзьями, коллегами. Я хорошо знаю практически все чешское правительство. В свое время я работал (и многие мои друзья) в Институте прогнозирования Академии наук в Москве, а они почти все вышли из Института прогнозирования Академии наук Чехословакии. И премьер Вацлав Клаус, и министр финансов, и министр иностранных дел, министр экономики, министр промышленности. Мы, в общем, затевали реформы примерно по одному сценарию. Естественны различия, связанные с масштабом экономик. Но, в общем, пытались сделать близкие, сходные вещи. И так же, как у нас, у них были очень тяжелые проблемы. В отличие от нас у них не было ни нефти, ни газа. Очень бедна ресурсная база. И у них тоже была сверхмилитаризированная эконо-

мика, огромная неэффективная тяжелая промышленность.

То есть те же самые проблемы, с которыми сталкивались и мы. Только они чуть раньше начали — в 1991 году, а мы в 1992-м. И положение у них было чуть лучше — не так развалено валютное хозяйство, не такая высокая задолженность. Но в целом мы многое затевали и делали вместе. Принципиальная разница была в одном: у нас была возможность работать примерно 11 месяцев, у них была возможность работать чуть больше трех лет.

И что же такое сегодня чешская экономика?

О ней стоит поговорить подробно, потому что это зеркало того, чем может и должна стать экономика России. В Чехии сейчас три года стабильный валютный курс, низкая инфляция. Жалуются, правда, на инфляцию, все равно, говорят, высокая — 10 процентов в год, а в Австрии — 3. Но все-таки 10 процентов в год, а не 20 в месяц. Промышленное производство растет. Сейчас нет ни у кого сомнения в том, что Чехия станет одним из экономических чудес Европы в 21-м веке. Самая серьезная проблема, с которой они сталкиваются, — это избыточный приток иностранных инвестиций, иностранной валюты в страну.

Разумеется, и у них было падение производства ненужной продукции, и у них была проблема неплатежей. Но главное — они не начали колебаться и не свернули с пути, на который стали в 1991 году.

Собственно, и в России это уже очень многим понятно. Ну вот, скажем, Виктор Степанович Черномырдин. Не все помнят, что Виктора Степановича Черномырдина привели в кресло премьера голоса фракции коммунистов, аграриев и националистов в декабре 1992 года. Не все помнят, что именно этот блок в свое время добился отставки моего правительства. Не все помнят сейчас, может быть, что Черномырдин пришел, пообещав построить рынок без базара, проводить реформы не ценой обещания народу, долго обещал бороться с инфляцией не монетарными методами. Начинать с попыток за две недели взять больше кредитов в Центральном банке, чем мы за весь 1992 год, чтобы заморозить цены...

Ну и что? Прошло два года этой политики, два года колебаний, два года метаний. И к осени 1994 года, если вы послушаете Черномырдина, вы убедитесь, что он начал говорить, почти как Гайдар в 1992 году. А что, собственно, случилось? Он что, съездил в Чикагский университет и там поучился немножко? Сейчас он говорит о том, что не бывает экономической стабилизации без остановки инфляции, что какая инфляция, такая и эконо-

ВСТРЕЧИ

номика. Он говорит об исчерпанности так называемых умеренно жестких методов борьбы с инфляцией и т.д.

С чем это связано? С очень простой вещью. Так или иначе, хочется ему или не хочется, но теперь он несет ответственность за происходящее в российской экономике. И в связи с этим вынужден считаться с реальностью. Набив и себе, и нам шишек, убедился в том, что другого разумного пути все равно не существует.

От вас не так далеко Украина. Леонид Данилович Кучма работал премьером Украины, когда я был исполняющим обязанности премьера России. Он пытался тогда на Украине воплотить все то, о чем каждый день пишет коммунистическая печать. Если вы перечитаете «Советскую Россию» и «Правду» за последние три месяца и наложите на то, что делалось на Украине на протяжении трех лет, вы увидите: нет ни одной идеи, высказанной в этих газетах, которая не была бы там реализована.

Леонид Данилович пытался осторожно либерализовать цены, медленнее вести приватизацию, сохранять государственные заказы, сохранять фондовое распределение, контроль за экспортом, монополию внешней торговли, регулировать валютный рынок... И к чему пришел в результате? Да к тому, что, когда его избрали президентом в прошлом году, выступил с программой, которая, как две капли воды, похожа на нашу программу 92-го года.

Что же он, тоже в Чикагский университет съездил? Да нет, просто жизнь заставила чему-то научиться. Он сегодня отвечает за украинскую экономику и не может позволить себе политиканствовать.

Что, собственно, показали последние три года и у нас, и у наших соседей? Вспомним: мы жили вместе в одной общесоюзной экономике, пока она не развалилась в августе 91-го года. После этого каждое из пятнадцати разных независимых государств стало пытаться построить свою экономическую политику.

И сейчас можно уже очень четко понять, кто пришел к каким результатам. Были страны, очень богатые ресурсами, как, скажем, мы и Казахстан. Были очень бедные на ресурсы — Эстония, Латвия, Литва. Были страны средние по масштабу, как Украина. Но опыт показал, что главное, от чего зависят результаты, — это не развитость экономики и не богатство природных ресурсов. Главной оказалась проводимая экономическая политика.

За это время были отработаны две их модели. Первая была последовательно реализована в странах Балтии и начала было реализовываться, пока ее не прервали, в России. Мы все вместе достаточно решительно либерализовали цены, энергично начали процесс приватизации, ввели конвертируемость национальной валюты, отказались от государственных заказов, фондового распределения. Все вместе открыли внешние рынки.

Мы предполагали, что потребуется примерно три года, для того чтобы обеспечить предпосылки экономического роста. Это можно прочесть в программе углубления экономических реформ, которая была предложена нашим правительством.

Что там предполагалось за эти три года? В первый год — насыщение прилавков, ликвидация дефицита, ликвидация очередей, работающая, или конвертируемая, национальная валюта.

Второй год — остановка инфляции и стабильный валютный курс. Третий год — начало экономического роста на основе частных сбережений и инвестиций.

Что оказалось? Первый год — действительно дефицит исчез, исчезли очереди, исчезли «колбасные» электрички. Была обеспечена конвертируемость национальной валюты.

Второй год — там, где эта программа была продолжена, был стабилизирован курс национальной валюты, остановлена инфляция. Третий год — начался экономический рост. Эстония сегодня растет, Латвия растет, Литва начинает расти.

В России, к сожалению, у нас не было трех лет, у нас было 11 месяцев. Поэтому были решены лишь первые задачи. Но не была обеспечена финансовая стабильность, валютный курс остался неустойчивым, сбережения утекают вместо производства на валютный рынок, на валютные спекуляции. В результате экономика, вместо того чтобы начинать расти, продолжает падать и вместе с ней падает уровень благосостояния людей.

А что получилось там, где пытались действовать по-другому, где пытались сохранить государственный заказ, лимиты, фонды, сохранить государственное регулирование цен? А там — быстрое и углубляющееся падение экономики. Инфляция еще значительно более высокая, чем в России. Там — предельная нестабильность валютного курса и средняя зарплата в несколько раз ниже, чем даже в России сегодня (я уж не говорю о государствах Балтии). Многие жители соседних с ними государств согласны сегодня на любую работу в России, где зарплата им кажется высокой, а нам кажется, и справедливо, низкой. Там — полная зависимость экономики от того, будет ли Россия впредь продолжать задаром поставлять энергоносители. Там острейший валютно-финансовый кризис и нарастающий экономический развал.

Вот, собственно, очень простые уроки, которые сегодня ясны любому непредубежденному человеку, тому, кто хочет просто смотреть в глаза реальности.

Почему это происходит? Да, в общем, тут тоже нет никаких загадок. Будет экономический рост — будет благосостояние, не будет его — экономика будет падать дальше. Экономический рост — это инвестиции, деньги, которые вкладывают в производство. Откуда их взять? Есть только два источника и первый из них — это государственный бюджет. Государственный бюджет вбирает в себя на-

логи, вкладывает деньги в производство, производство развивается, начинает расти...

И многие наши оппоненты говорят: мы раньше это делали, пусть и сейчас государство соберет много денег, вложит в производство, которое начнет расти и вместе с ним начнут расти наши экономика и благосостояние. С этим трудно было бы спорить, если бы не одно маленькое обстоятельство. Для того чтобы эти деньги куда-либо вложить, их надо сначала иметь. Соответственно, их надо собрать в виде налогов.

Так вот сегодня, по-моему, есть одна вещь, с которой согласно подавляющее большинство людей в России, — дальше повышать уровень налогов некуда. Их в результате могут перестать платить вовсе, экономику загонят в тень.

Но если мы не можем больше выжать ничего из налогов и вложить в производство по линии государства, значит, наш экономический рост оказывается долгосрочно зависящим от того, будут ли вкладывать деньги в производство частные люди. Короче говоря, если люди будут сберегать деньги и вкладывать их в российскую отечественную экономику — будет экономический рост. Не будут — экономического роста не ждите.

Что же нужно для того, чтобы люди вкладывали деньги в свою экономику? А нужно несколько очень простых и элементарных вещей. Во-первых — четкие и надежные гарантии частной собственности. Подумайте, можно ли уговорить человека вкладывать деньги в строительство завода, если он не знает — отберут у него этот завод или нет.

Вот это ключевой вопрос, потому что сегодня нестабильность и неурегулированность отношений собственности, включая земельную, создают обстановку правовой незащищенности частного сектора. Мы провели, правда, в Думе новый Гражданский кодекс. Это была наша парламентская победа. Но этого абсолютно недостаточно. К нему нужен целый ряд дополнительных законов, которые мы с огромным трудом пытаемся «пробить».

Сегодня у нас, скажем, колоссальное количество людей оказалось жертвами мошенников и проходимцев. А закон о ценных бумагах, который мы давно внесли в Думу, до сих пор так и не принят, потому что наши оппоненты не считают его приоритетным. У нас сегодня половина страны работает в акционерных обществах. Права же собственников акционерных обществ до сих пор не гарантированы. А закон об акционерных обществах, подготовленный нами, так и валяется в Думе, потому что депутаты из коммунистических и националистических фракций также не считают его важным.

Земельное законодательство. Кто будет вкладывать деньги в производство, если земля не его и если ему в каждый момент могут сказать: ты построил — замечательно, а теперь убирайся отсюда, земля не твоя. А наш Земельный кодекс, который мы внесли в Думу, до сих пор не рассмотрен, и, судя по всему, его так и не удастся принять.

Больше того: люди просто понимают, что коммунисты могут снова прийти к власти и сказать: «А какая же это ваша собственность?» Почитайте их экономическую программу, воплощенную в так называемом законе о предотвращении экономической катастрофы. Там напрямую написано, что все отношения собственности будут ревизованы. Если это так, то какие могут быть частные инвестиции, откуда они вообще могут взяться? Люди, естественно, будут вкладывать деньги в краткосрочные финансовые спекуляции, в экспорт-импорт, в торгово-посреднические операции. Ну кто же будет строить в России заводы на такой политической базе?

Второе — деньги. Деньги на инвестиции. Ведь колоссальная часть того производственного аппарата, который был создан за советское время, к сожалению, не может быть эффективно использована без крупных дополнительных инвестиций. Надо понимать, чем был военный сектор в нашей экономике, какую он играл в ней роль. И надо понимать, что перестройка военного сектора на гражданские рельсы требует серьезных денег, больших ресурсов.

Сегодня много говорят о бегстве капитала и чаще всего — люди, абсолютно не представляющие себе, о чем на самом деле идет речь. Они, наверное, думают, что кто-то с мешком денег тайной тропой пробирается за границу и таким образом вывозится капитал. Да ничего подобного! У нас сегодня происходит не бегство капитала, а крупномасштабный ввоз конвертируемой иностранной валюты в страну. Не по каким-то оценкам никому не известных экспертов, а по банковской статистике. В 1994 году в запечатанных контейнерах, в самолетах с разрешения Центрального Банка по заявкам коммерческих банков в Россию было ввезено примерно 16 миллиардов долларов.

Это значит, что российское население, россияне дали в долг американцам, американскому правительству на покрытие дефицита бюджета Соединенных Штатов Америки 16 миллиардов долларов. Что это — свидетельство тому, что мы все непатриотичны? Да нет, это естественное следствие проводимой сегодня денежной политики. Почему-то в Эстонию доллар не ввозят, и в Латвию массово не ввозят, и в Литву, и в Польшу, и в Чехию. Ввозят только в те страны, которые сами разрушают собственную национальную валюту.

Но люди же в конце концов ведут себя просто рационально. Инфляция, печатание денег — это самый эффективный налог. Потому что для него не надо ни налоговой инспекции, ни налоговой полиции. Я печатаю деньги, обесцениваю вклады населения, обесцениваю каждый день денежные сбережения. И, естественно, люди хотят уйти от этого налога. Уйти куда? Они просто уходят в те валюты, которые надежны. И поэтому сегодня российские граждане вкладывают в иностранную валюту, кредитуют мир средствами, которые в три раза превышают все вложения в национальную банковскую систему.

ВСТРЕЧИ

Что надо сделать для того, чтобы эти деньги пошли в национальную экономику? Да элементарную штуку: надо перестать портить собственные деньги. Когда у нас на фоне стабилизационных мероприятий осенью 1993-го и в начале 1994 года пошла вниз инфляция, многие банкиры из коммерческих банков стали говорить о том, что, если процентная ставка упадет ниже 100 процентов, видимо, придется вкладывать деньги в производство. Потому что валютный рынок становился абсолютно нерентабельным. Ну, а потом аграрии с коммунистами надавили на правительство, денежки напечатали, летом они выплеснулись на валютный рынок, инфляция и процентная ставка также пошли вверх. Об инвестициях в национальную экономику снова можно забыть по меньшей мере на год.

Вот, собственно, от таких элементарных вещей и зависит, появятся ли деньги для вложения в национальную экономику. При такой инфляции, как сегодня, деньги пойдут только на валютный рынок и никогда не пойдут в производство. Это надо понимать.

Поэтому когда противопоставляют задачу стабилизации промышленного производства, экономического роста стабилизации собственных денег — это полный нонсенс. Для того и нужна стабилизация денег, чтобы деньги населения шли не в американские банки, не к американскому правительству, а на наши заводы. Это и необходимо сделать.

Еще раз подчеркну. Нет никаких экономических загадок по поводу того, как обеспечить рост экономики России. Мы в некотором смысле уже прошли самую тяжелую часть пути. Но есть ведь желание у человека, несущего телевизор на пятый этаж, устав, вдруг плюнуть на все и бросить его вниз с четвертого этажа. И вот сейчас страшно обидно будет, если мы отмахнемся от пройденного, заколеблемся, увеличив из-за этого тяжесть реформ, и пойдем назад, уничтожив даже то небольшое, что удалось сделать на протяжении 11 месяцев 1992 года. Ведь это только кажется, что нынешние удобства рыночной экономики с нами уже как бы на века. Вот привыкли сейчас люди жить без очередей и думают, что это уже навсегда. Да ничего подобного! Элементарно, несколькими точными движениями, просто реализовав первые пять пунктов экономической программы коммунистов, в течение нескольких месяцев можно получить даже не устойчивый, хотя неэффективный тоталитарный режим, а именно тот бесконечный беспорядок, который мы все имели в 1989—1991 гг., когда сидели на карточках и карточки эти не отоваривались месяцами. Может быть, у вас в Курске ситуация была получше, но я хорошо ее знаю по другим регионам России. Она была достаточно тяжелой.

И надо хорошо себе представлять, что нас от этого отделяет буквально несколько месяцев безответственной и опасной политики. Выбор, в общем, сегодня за нами. Россия прекрасно может, если изберет разумный парламент и разумного президента, пойти

по пути экономического роста, который очень быстро приведет нас к росту благосостояния и даст нам социальные ресурсы для решения наиболее острых проблем, по пути, который выведет Россию на достойное место в XXI веке.

А можно пойти назад, в «третий мир», к расколу и развалу нашего государства. Вот это было бы действительно страшным выбором для наших детей.

Уважаемые коллеги, я на этом остановлюсь и дальше с удовольствием отвечу на ваши вопросы.

— Скажите, пожалуйста, какова модель реорганизации российской деревни?

— Надо признать, во-первых, честно, что аграрная реформа у нас практически и не начиналась. Те метания, которые были, назвать осмысленной аграрной политикой, разумеется, невозможно. Сегодня задача аграрной реформы, пожалуй, является ключевой наряду с задачей реформы военной. Что, на наш взгляд, абсолютно необходимо сделать в этой области? Первое — это, разумеется, ввести полноценную, хотя и регулируемую, частную собственность на землю. Надо четко себе представить, что нет ни одного эффективного сельского хозяйства в мире, которое бы не базировалось на ней. И точно так же нет ни одной страны, где бы существовала нормальная система сезонного кредитования без этой частной собственности. Надо понимать, что сельское хозяйство — это проблема всегда сезонного производства. Проблема сезонного производства — это проблема кредитования. Проблема кредитования — это проблема залога имущества. Проблема залога имущества — это и есть проблема частной собственности на землю. Если не будет частной собственности на землю, никогда не будет коммерческого кредитования, всегда деревня будет ходить с протянутой рукой к государству и говорить: «Дай!» и всегда будет требовать потом списать долги. Деньги будут уходить как в песок. Без частной собственности на землю никакое серьезное развитие села невозможно.

Второе. Необходимы серьезные коррективы в проводимую финансовую политику поддержки села. Сегодня мы тратим очень серьезные средства на дотации ему и тратим их поразительно неэффективно. Но, скажем, есть так называемая система дотации на сельхозпродукцию: на молоко, мясо, яйца и т.д. Ваша администрация говорила, что эти дотации доходят напрямую до хозяйств и те их регулярно получают. Может быть, это так, но не очень верится. На самом деле чаще всего эти деньги оседают в коммерческих структурах, в переработке сельхозпродукции. Единственный их результат — увеличение зарплаты у переработчиков. Ничего больше. Ничего до села реально не доходит. Так не лучше ли вложить эти деньги в небольшие инвестиционные проекты по переработке сельхозпродукции? Ввести такую систему, при которой вы вкладываете свою долю — допус-

тим, 50 процентов — в такой проект и вам дают еще 50 процентов бюджетной ссуды...

В тех регионах, где администрация активно пошла на развитие малой переработки, уже удалось ликвидировать монополизм переработчиков и ликвидировать ту огромную разницу между ценой заготовителей на сельхозпродукцию и ценой окончательной реализации. Ведь в этом же колоссальная проблема для села. Молоко в городе стоит дорого, а селяне получают за него мало.

А сколько денег без толку вкладывается в так называемое коренное улучшение земли? Может быть, у вас не так, но в целом по России видно, что это монополизированная отрасль, где по крайней мере 2/3 ассигнуемых денег идут просто неизвестно куда. Может быть, лучше эти деньги дать напрямую на жилищные кредиты молодым семьям в селе? Сегодня все равно социальная сфера села дотируется за счет областного бюджета. И в результате у нас председатель колхоза — это царь и бог, который всех в кулаке держит. Но если эти деньги бюджетные, не его, не заработанные им — их и надо отдавать напрямую, допустим, через муниципальные предприятия. А председатель колхоза пусть отвечает реально за собственное хозяйство. Тогда у него не будет аргумента: тебе не нравится, как я руковожу, — не дам дров.

Наконец, о реорганизации колхозов и совхозов. Надо понимать, что многие из них в том виде, в каком существуют сейчас, очень трудно или невозможно сделать эффективными предприятиями. Можно — лишь реорганизовав, подразделив на более мелкие хозяйства, реально увязав доходы с результатами. Это, кстати, делается сейчас в регионах. Именно с такой реорганизацией и надо связывать списание задолженностей. А то ведь что получается? Долги прощаем всем, не требуя никаких мероприятий по повышению эффективности. Посмотрите (я не знаю, может быть, у вас в Курске ситуация другая), сколько машин понакупили себе председатели колхозов, которым сейчас списывают задолженность за наш с вами счет, за счет бюджета, за счет социальной сферы.

Короче говоря, по моему глубокому убеждению, вот эти направления аграрной реформы, будучи реализованными, действительно дали бы нам шансы оздоровить положение в сельском хозяйстве.

— С момента либерализации цен сбережения по вкладам населения обесценились. И пока государство не восстановит их стоимость, поддержки ни Вам, как непосредственному участнику реформ, ни Вашей партии не будет. Принимаете ли Вы действенные меры в парламенте по восстановлению обесцененных денежных сбережений населения по вкладам в Сбербанке до очередных выборов?

— Думаю, что это будет трудно сделать. Надо хорошо представлять себе реальную сторону дела. У меня вот такой простой вопрос ко всем присутствующим. Вклады немцев после второй мировой войны оказались,

как вы все хорошо знаете, обесценены. От них ничего не осталось. Вопрос: а кто за это отвечает? Гитлер, который за счет этих вкладов финансировал войну, или Эрхард, который вынужден был признать, что этих денег не существует? Я читал одну совершенно секретную записку, поданную в Политбюро ЦК КПСС комиссией во главе с заместителем председателя союзного правительства Кириллиным. Она касалась вкладов населения по состоянию на 1979 год (еще, помните, колбаса была в магазинах). По оценке этой комиссии, по состоянию на 1979 год, 53 процента вкладов населения были фиктивными. За ними ничего не стояло. А после этого прошли и антиалкогольная кампания, и авантюра перестройки, и печатание денег, и многое другое.

Так кто все-таки разбазаривал золотовалютные резервы? У нас в 1985 году лежали те же 1300 тонн золота, которые царь оставил в свое время большевикам. А нам к концу 1991 года сколько осталось? 296 тонн.

К 1985 году сбережения населения были обеспечены 15 миллиардами долларов легко реализуемых валютных активов. По состоянию на конец 1991 года, на счету у Российского государства остался ноль. Вся валюта была разбазарена двумя последними коммунистическими правительствами. Больше того, эти два последних коммунистических правительства разбазарили еще те 8 миллиардов, которые числились на счетах во Внешэкономбанке.

Нам же, к сожалению, досталась неприятная обязанность честно сказать: сейф пуст, там больше ничего нет. Горбачев боялся это сделать. Вы думаете, почему он так и не решился начать реформы? Почему развалил Союз? Он знал, что в сейфе страны ничего нет.

Удивительно то, что сейчас именно те политики, что разбазарили золото, валюту и деньги вкладчиков, громче всех кричат об ограблении и разорении народа.

Это, по-моему, верх политического цинизма.

Теперь что касается восстановления сбережений. Популистскими мерами пытались восстановить их на Украине. Проиндексировали и обесценили в результате еще больше, чем у нас. Можно ли вообще их восстановить? Да, можно. Немцы (Эрхард тот же самый) восстановили в конце концов сбережения, которые разбазарил Гитлер. Но восстановление их началось через 10 лет после начала реформ, с 1958 года. И закончилось через 20 лет. Надо было сначала эти деньги заработать. Эрхард сделал это, обеспечив предпосылки устойчивого экономического роста в Германии, стабилизировав германские финансы, сделав Германию процветающей страной. И после этого он смог рассчитаться с теми, кого ограбил Гитлер. Мы тоже это сможем сделать — при условии экономического роста в России.

— Думаете ли Вы баллотироваться на выборах президента?

— У нас есть твердая позиция партии по этому вопросу. Мы считаем важнейшей задачей сегодня — единство демократов. На наш взгляд, никакие личные амбиции не должны этому мешать. Поэтому мы предлагаем не обсуждать сейчас, в канун парламентских выборов, вопрос о том, кто должен быть кандидатом от демократов на следующих президентских выборах. Потому что это может серьезно затруднить нам создание широкой демократической коалиции. Давайте сначала договоримся о ней. Давайте поддержим достойных кандидатов в парламент, отработаем механизм взаимодействия. Эти выборы надо рассматривать как своеобразную прелюдию к президентским выборам. После них будет легче договориться о том, кто может и должен быть достойным кандидатом от демократических сил в президенты.

— *Егор Тимурович, хочу спросить Вас о следующем. Вы помните, как сражался Ельцин за Вас на Верховном Совете. Не предаете ли Вы его сейчас, выступая против него?*

— Думаю, что нет. Он сражался, поддерживая политику реформ. Мы с ним взаимодействовали. Не во всем были согласны. Но в конце концов он сменил наше правительство в 1992 году, хотя я прекрасно понимаю аргументы, политические в том числе, которыми он руководствовался. И я всегда делал все возможное для того, чтобы поддерживать политику президента, пока эта политика казалась мне разумной, объективно работающей на Россию.

Что касается сегодняшнего дня, то, к сожалению, я серьезно не согласен с той политикой, которую начали реализовывать по урегулированию чеченского кризиса. С чем это связано? Собственно, с очень простой штукой. Чеченский кризис — это тяжелейшая национальная проблема. Это не проблема бандформирований и не проблема преступников. С преступниками не борются бомбардировками и введением масштабных бронетанковых сил. Это сложнейшая национальная проблема, которая заварилась еще в 40-х годах нашего века, с депортации чеченцев. В 1991 году после августовской попытки переворота реально образовалось не 15, а 16 независимых государств. Надо понимать, что Чечня с августа 1991 года была де-факто независимым государством, хотя находилась на территории России, и мы не признавали никогда и не могли признать факт ее независимости. Это была проблема, которая требовала терпеливых и спокойных решений, отнюдь не истерики. С начала 1994 года, я знаю это прекрасно, в Чечне наконец стала переламываться ситуация в нашу пользу, в пользу единства России. Режим Дудаева к весне 1994 года был предельно слабым. Ее экономика была не способна жить без России. Нефтеперерабатывающие заводы практически остановились, доходы от нефти резко пошли вниз. В России хуже-лучше, но были какие-то признаки стабильности.

От Дудаева начинают бежать его ближайшие соратники. Он теряет контроль над тер-

риторией, особенно над Надтеречным районом... В Москву едут представители одной оппозиции, другой... Ходят по московским кабинетам, говорят: давайте найдем хоть какой-то способ переговоров. Совершенно ясно любому разумному человеку, что пришло время спокойно, сочетая меры экономического и политического нажима, перевести Чечню на «татарский» путь и постепенно интегрировать в российскую экономику. Без истерики, не сразу, но это — возможно. Ясно, что Дудаев ослаб, у него мобилизация проваливается, от него бегут сторонники.

И какие же делают выводы? Ну, раз он такой слабый, чего тут переговариваться? Давайте-ка быстренько употребим силу и все решим в момент...

Люди не понимают элементарной вещи: Дудаев до начала российской интервенции — это слабый Дудаев. После ее начала, после бомбардировок Грозного — это совершенно неизбежный лидер чеченского народа, который получает огромный прилив сил. И в результате, вместо того чтобы потихоньку, как раз тогда, когда яблоко почти созрело, сорвать его и урегулировать конфликт, мы получаем кровавую, тяжелую войну с непредсказуемыми последствиями на Северном Кавказе.

Я считал это серьезной ошибкой, пытался убедить президента и премьера в том, что вставать на этот путь нельзя, что он приведет как раз к тем последствиям, к которым он сегодня привел. И конечно, поддержать эту политику мы никак не могли. Мы не испытываем ни малейшего злорадства по этому поводу. Это все равно наш президент, и мы его выбирали и поддерживали. Это наш президент сделал ошибку. И мы, разумеется, будем делать все возможное, чтобы президент начал исправлять свои ошибки.

— *Почему Китай имеет крепкую экономику при более скудных ресурсах, чем в России, но имея население в шесть раз больше, чем у нас? При этом Китай не хочет вставать на российский путь развития...*

— По очень простой причине. Потому что китайские коммунисты оказались более умными и гибкими, чем российские коммунисты. Китайский путь на самом деле — это путь для страны, которая еще не реализовалась. В Китае по-прежнему живут намного хуже, чем у нас. Китай — это страна быстроразвивающаяся, в которой с начала реформ 4/5 населения живут в деревне. Страна, которая еще не прошла путь индустриализации, где можно строить новый частный сектор, не вместо существующего государственного, а рядом с ним. Это тот путь, на который многие пытались вывести Советский Союз в конце 50-х — начале 60-х годов. О нем говорили в свое время и обсуждали в начале 60-х при подготовке хрущевских и косыгинских реформ. К сожалению, тогда у советского руководства не хватало ума и ответственности понять, что, если хочешь вывести страну без страшных потрясений из социалистического тупика, надо уводить ее тогда этим путем. К тому

времени, когда все институты государства были практически разрушены и парализованы экономическим кризисом и мы имели сверхиндустриализованную и предельно неэффективную экономику, вопрос о китайском пути, разумеется, для нас был уже закрыт. Ни одна индустриализованная страна, прошедшая социализм, на китайский путь так и не смогла вступить.

— Как Дума и верхняя палата могли допустить кровавую бойню в Чечне?

— Это, на мой взгляд, очень серьезный вопрос и очень серьезная претензия к Думе и к верхней палате. Как вы знаете, наша фракция с самого начала заняла достаточно жесткую позицию, направленную на предотвращение военного решения, на то, чтобы добиться перевода развития событий в переговорное, мирное русло. Мы подготовили целый ряд абсолютно конкретных законов, которые, будучи принятыми, закрывали бы любые легальные лазейки продолжения интенсификации военных действий. Это были законы о поправках к бюджету на первый квартал, запрещающие финансирование военных действий до и без введения чрезвычайного положения и военного положения.

Второе — это поправки к Закону об обороне, которые запрещают использование армии тоже без введения чрезвычайного или военного положения. Это законы, которые устанавливают хотя бы обязательные нормы немедленной публикации сведений о погибших, раненых и пропавших без вести. Сегодня родители не могут получить этой информации.

Поразительно, но большинство Думы, в первую очередь фракция националистов, ЛДПР, фракция коммунистов, наибольшая часть аграриев, не поддержало эти законопроекты, включая и закон об опубликовании данных и сведений о погибших. Это, по моему, уже верх безответственности по отношению к женщинам, у которых дети служат в армии. На мой взгляд, после этого решения эти фракции взяли на себя серьезную часть ответственности, разделив ее с исполнительной властью, за продолжение масштабного кровопролития в Чечне.

Теперь что касается замечательной легенды о том, как Гайдар не только пьет кровь христианских младенцев, но еще и вооружил Джохара Дудаева.

Ситуация следующая. На самом деле Джохар Дудаев установил контроль над территорией Чечни, как вы хорошо знаете, осенью 1991 года. Первая легенда была в этой связи замечательная: о том, что я убил майора контрразведки в октябре 1991 года, потому что он расследовал данные о том, как Гайдар передал оружие Дудаеву. Я был восхищен упадком искусства политической провокации в бывшем КГБ, потому что они не удосужились посмотреть на даты: а кем был Гайдар в октябре 1991 года, когда он убивал майора контрразведки и договаривался с Дудаевым? Тогда бы они увидели, что в это время Гайдар был доктором экономических наук, ди-

ректором Института экономической политики Академии наук и Академии народного хозяйства. Я мог вооружить Дудаева своими канцелярскими ножницами или указкой. Видимо, это как раз и расследовал убитый мной майор контрразведки. Я могу дальше подробно рассказывать, но, по-моему, все и так очевидно.

— На каком основании Татарстан не платит налоги? Мы платим за то, что он согласен пока оставаться в составе России?

— Ну, во-первых, это не совсем точно. Татарстан платил и платит налоги. Другое дело, что с Татарстаном было заключено соглашение о том, что часть этих налогов используется на финансирование федеральных программ на территории Татарстана. Мне не кажется подобного рода бюджетное решение самым эффективным. Я с вами могу согласиться. Но могу сказать только одно, что такого рода решение и медленная, и спокойная дипломатия обходятся дешевле, чем решение военное.

— На недавней встрече с депутатами Госдумы мы услышали, что повышение минимальной зарплаты — фикция, увеличатся пособия, а мы, госбюджетники, денег не увидим. Внесите ясность.

— Вопрос об увеличении зарплаты бюджетникам — это в первую очередь вопрос бюджета. Вы прекрасно понимаете, что для того, чтобы эти деньги выплачивать, нужен бюджет. И в первую очередь, региональный бюджет, потому что сегодня именно из него оплачивается большая часть бюджетников, по крайней мере в вашей области. Ключевой вопрос тут, по моему глубокому убеждению, это — ограничение перераспределения денег через Москву. Ваша область является областью субсидирующей. Вы до сих пор вносите денег в федеральный бюджет больше, чем из него получаете. Это в том числе происходит из-за того, что используется очень неэффективная, неправильная схема распределения субвенций между регионами. Мы будем пытаться добиться того, чтобы эта схема в бюджете 1995 года была изменена. Сегодня у нас почему-то получается так, что самыми несчастными регионами, которым надо больше всего помогать, оказываются у нас Краснодар, Ставрополь и Ростов. А источниками бюджетных поступлений являются такие процветающие регионы, как Архангельск, Мурманск, Вологда, Пермь, Свердловск, Курск. Решение этого вопроса поможет, в первую очередь, определять возможности реального повышения зарплаты бюджетникам, в том числе и у вас.

— Почему Вы осквернили своих предков, деда и отца, которые боролись за улучшение жизни трудового народа?

— Разница коммунистической идеи и фашистской состоит в том, что фашистская идея с самого начала человеконенавистническая. Это очень видно. Коммунистическая идея вроде бы прекрасна, она действительно завораживает. Ведь с ней, в общем, пока она не опробована, очень трудно или невозможно

ВСТРЕЧИ

спорить. Ну кто же будет против социальной справедливости? Кто будет против более упорядоченной экономической жизни? Кто будет против многого и многого из того, что было начертано на коммунистических знаменах 80 лет тому назад? И поэтому среди коммунистов, по моему глубокому убеждению, было очень много достойных, честных людей, которые искренне любили свою страну и хотели ей добра. Но одно дело верить в эти идеалы из красивых книжек, и другое — когда все это было поверено страшным, кровавым опытом нашей страны. Когда за все это заплатили миллионами жертв в коллективизацию, миллионами жертв во время репрессий, заплатили страшным экономическим отставанием все социалистические страны. Северная Корея — тем, что она отстала от Южной, Восточная Германия — тем, что она отстала от Западной, Россия — тем, что отстала от Европы, с которой она шла почти вровень в начале века. Когда все это стало ясно, дальше продолжать разделять эти идеи — это значило бы уже разделять не великие заблуждения, а значило бы разделять страшные предрассудки.

Поэтому я отнюдь не отрекаюсь от своего деда и считаю, что он воевал за будущее своей страны так, как он его видел. Я воюю за него так, как я вижу его сегодня на основе богатого и трагического 75-летнего опыта.

— Почему в очень напряженный момент для России надежда многих россиян — Гайдар, Федоров, Явлинский — разобщены? Это, мягко выражаясь, бросает тень на указанных политиков, да и выводы из последних выборов не сделаны.

— Совершенно с вами согласен. Наша позиция была и остается предельно простой: мы за объединение демократических сил, как можно более тесное и без всяких предвари-

тельных условий. Было письмо вдовы А.Д.Саварова Е.Ф.Боннер, адресованное мне, Явлинскому и Федорову, об этом же. И она нас там призвала: давайте сейчас не обсуждать вопрос о президентских выборах, надо сплотиться для выборов парламентских, создать широкую коалицию. Мы обсудили письмо у себя на Совете партии. Решили горячо поддержать эту идею. Мы действительно сейчас снимаем этот вопрос с обсуждения и предлагаем немедленно начать переговоры по созданию широкой демократической коалиции, по меньшей мере по выборам по мажоритарным округам, чтобы не получалось, что три демократа «дерутся» друг с другом, а безответственный человек от коммунистов или от фашистов проходит в парламент.

— Вы выступили против импичмента президента...

— Да, совершенно верно, мы выступили против импичмента президента и против досрочных выборов. Я еще раз подчеркну, мы не поддерживаем ту политику, которую проводит президент, но мы считаем очень важным соблюдать демократические, конституционные правила игры. Если республиканцам в США не нравится политика Клинтона, они критикуют ее и выигрывают выборы в конгресс и сенат. Но никому не приходит в голову при этом поставить вопрос об импичменте Клинтона. Он выбран на четыре года, и все четыре года будет работать.

В этой связи мы считаем, что главная наша задача добиться того, чтобы выборы в парламент и президентские выборы прошли в срок, чтобы мы пришли к этим выборам подготовленными и выбрали достойных кандидатов. Вот это наша задача.

19 января 1995 г.